

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в.

Значение Еллинского летописца в русской средневековой литературе и в летописании еще недостаточно оценено. Исследования А. А. Шахматова, посвященные Русскому хронографу, перевели внимание исследователей именно на этот последний памятник русской хронографии, заслонив ценность Еллинского летописца. Между тем несомненно, что основное место в русской хронографии должно принадлежать не Русскому хронографу, а Еллинскому летописцу — самой крупной литературной энциклопедии русского средневековья.

Еллинский летописец сопутствует русскому летописанию на всем его протяжении. В одной из своих разновидностей (ее можно вслед за В. М. Истриным условно называть „Хронографом по великому изложению“) Еллинский летописец отразился в Повести временных лет, затем в Галицко-Волынской летописи и в житии Александра Невского. В других разновидностях он отразился в общерусском летописании начала XV в. (повлияв на „хронографическую“ часть Владимирского полихрона), в летописании второй половины XV в. (хронографический список Новгородской пятой летописи) и даже в летописании XVI в. (первый Остермановский том Лицевого свода). Его влияние оказывалось действенным даже в русской историографии XVII в. (ср. отмеченное А. Поповым сильное влияние Еллинского летописца на так называемый Хронограф второй редакции).

Искусство и эрудиция, проявленные составителями Еллинского летописца, были таковы, что А. А. Шахматов явно произвольно отказывался видеть в последнем произведение первых веков русской книжности. Резюмируя выводы своей статьи 1900 г. „Древнеболгарская энциклопедия X в.“, А. А. Шахматов писал: „Итак, мы видим уже в самом начале древнеславянской письменности стремление объединить в форме одной обширной энциклопедии почти всю переводную литературу того времени. Такая энциклопедия могла занимать тома три или четыре, и составление ее, конечно,